

Утром первого июля

она уже знала, что это долгожданная свобода. «С вещами на выход». Наконец-то! Самыми муторными из этих десяти лет, проведенных в неволе, были первый день и последний. Который показался Вере Алмазовой и вовсе бесконечным. За сизым дымом лесных пожаров совсем не видно было солнца, и потому непонятно, утро или вечер. Рассвет или уже закат? Стрелки часов словно застыли, так и хотелось сказать: не верю! Не верю, что прошло всего лишь десять минут. Это обман. Часы ненастоящие.

Вера нетерпеливо смотрела в окно и гадала: сколько еще осталось? Какой у них тут регламент? В промежутке между первым и последним днями много чего случилось, бывало, и нервы сдавали, сознание погружалось во мрак, а однажды даже Веру, полуживую, вынимали из петли, подружка закадычная Татьяна вынимала, пусть земля ей будет пухом! Отстояла, смерти не отдала, а сама...

Вера торопливо отогнала мысли о Тане, о том, что должна для нее сделать. Долги надо отдавать, этому Вера Алмазова давно уже научилась. Но это потом. Таня подождет, она уже никуда не торопится. Порою приснится, улыбнется, но молча: живи, мол, радуйся каждому дню. А как нарадуешься, надышишься волей, так и мой черед придет. Таня терпеливая. Потому что мертвая. Мертвые минуты не считают, им торопиться некуда. Поэтому Таня и подождет. А вот Никита...

Где он, что с ним? Вера втайне надеялась, что бывшего мужа жизнь уже наказала. Фирма, которую Алмазова оставила Никите «в наследство», разорилась, сам он спился, уехал обратно в провинцию, к маме под бочок. Лежит себе на диване, с бутылкой пива, обрюзгший, пузатый, заросший щетиной, никому не нужный...

Именно этот образ любимого когда-то мужчины Вера и лелеяла все долгие десять лет. Не может быть, чтобы человек, проложивший путь наверх в буквальном смысле по трупам и подставивший вместо себя женщину, жену, спрятавшийся за ее спину, жил после этого припеваючи и процветал. Есть же на свете справедливость? Вера свято на это надеялась, потому что только надежда у нее и оставалась. Все остальное отобрали. А любовь... Любовь умерла. И не только любовь.

Смерть взяла кровавый след, словно собака-ищейка, и шла теперь за Верой

Алмазовой по пятам. Она даже чувствовала ее дыхание и боялась обернуться на свое прошлое, вспомнить о нем лишний раз, подумать о сделанных ошибках. Главная ошибка — Никита. Это и так понятно.

Три года назад умерла мама, которая приглядывала за принадлежащей дочери московской квартирой, исправно за нее платила, присылала весточки с воли, баловала передачами. Мама не стало — и ничего не стало. Братьев-сестер у Веры не было, детьми не обзавелась, а вся родня, какая оставалась, вычеркнула уголовницу из списка тех, с кем надо знаться сразу после вынесения приговора.

Осталась только мама, которую на все десять лет не хватило. Умерла она внезапно, от сердечного приступа, когда пыталась зажечь плиту, и почти неделю лежала в кухне на полу, пока соседи не почувствовали трупный запах и не вызвали участкового. Хорошо еще, что пожара не случилось. И Вера осталась совсем одна.

Слава богу, что к тому времени она обзавелась на зоне подружками. Ее собственный статус был теперь достаточно высок, чтобы оказывать покровительство, а люди за решетку попадали иной раз очень даже состоятельные. Дружить с нужными людьми и быть им полезной Вера научилась, еще когда, закусив удила, делала карьеру. Баба-коть, хватило бы здоровья. Вера на здоровье не жаловалась, и все у нее получилось. Черт дернул связаться с Никитой! По расчету

надо было замуж выходить, благо варианты были. И уж конечно, не из принципа: я своего все равно добьюсь!

Добилась. И себя добила.

— Алмазова! С вещами на выход!

Она вздрогнула: задумалась и не заметила, как время пролетело. Точнее, замечталась. Никиту она все равно накажет, но одно дело — добить лежачего, и совсем другое — пешему нападать на верхового, да еще и вооруженного до зубов врага. А у самой в активе что? Потрепанная сумка с жалкими пожитками и справка об освобождении после десяти лет отсидки? А статья-то какая! Убийство! Чудо, что удалось десяткой отделаться! На это ушли все Верины сбережения, на дорогих адвокатов и взятки. Да на то, чтобы на зоне иметь хоть какие-нибудь побрякшки.

Когда-то она в запале бросила Никите:

— Я вернусь! Обязательно вернусь! Ты преподавал мне урок, но я окажусь способной ученицей!

Теперь она улыбалась собственной наивности. Такой «учебы» и заклятому врагу не пожелаешь. Вера даже не знала, как приступить к делу. Кое-какие наметки были, и первое: нужные деньги. Жилье и деньги. Но сначала надо добраться до Москвы.

Выйдя за ворота, Вера какое-то время стояла, собираясь с мыслями. Потом достала из мятой пачки сигарету, не спеша прикурила и глубоко затянулась. Раньше у Веры вредных привычек не было. Не пила, не ку-

рила, из койки в койку не прыгала, вела здоровый образ жизни, высокоморальный, сгорала на работе. Или, как еще говорят, душой болела за дело. Алмазова горько улыбнулась.

Раньше... В другой жизни. А теперь надо начинать с нуля. Вера, прищурившись, посмотрела на сигарету, прикидывая: курить, что ли, бросить? С чего-то же надо начинать? Зарабатывать очки, чтобы выйти из нуля. Если нельзя приобрести полезную вещь, то от бесполезной можно избавиться всегда. И таким образом оказаться в плюсе.

Она отшвырнула сигарету, докуренную почти до фильтра, и широко, по-мужски, зашагала в сторону вокзала.

Кассирша, продавшая Вере билет на поезд, отсчитывала сдачу дрожащими руками. Алмазова невольно усмехнулась: оно и понятно. Здесь на таких насмотрелись. Со справкой вместо паспорта. Кто знает, чего от них ждать? Даром, что на вокзале круглосуточная охрана. Они же все безбашенные, те, что со справками.

Вера и в самом деле чувствовала, что способна теперь на все. Воздух свободы пьянил, а страха не было уже давно. Самое ценное, что есть у человека, — это жизнь, а если он считай что умер, так у него, выходит, и отнять нечего. Вера уже устала умирать. Тогда, в петле, она и ангелов успела увидеть. Или показалось от удушья, когда горло перехватило и сознание отключилось. Всякое говорят. Про свет в конце тоннеля. И где он

теперь, этот свет? Остается идти во мрак, освещенный лишь жаждой мести.

Мысль о Никите оставалась той ничтожкой, которая еще привязывала Веру к жизни. Узнать, что с ним. Есть ли на свете справедливость? По совокупности грехов Никита должен сейчас оказаться на дне и страдать не меньше, чем она, Вера.

А еще Татьяна. Надо выполнить ее последнюю просьбу. Одно доброе дело и одно дело злое. Но справедливое. Хотя Вера была готова отказаться от мысли отомстить Никите, если дела у того безнадежно плохи. За десять лет много воды утекло, всякое могло случиться. Иная жизнь хуже смерти. Насладившись видом страданий бывшего мужа, Вера готова была его простить.

Стоя на перроне в ожидании поезда, она машинально достала из пачки сигарету. Было жарко и душно, отвратительно пахло гарью. Вера не была в столице долгие десять лет. Она подозревала, что мир за эти годы сильно изменился, а она, Вера, заметно постарела. И курить пора бросать, и так уже кожа на лице, словно подошва, грубая, серая. Но какая теперь разница? Вера невольно усмехнулась. Она не собирается кому-то нравиться. И сигарета по привычке была докурена до фильтра, прежде чем полетела в урну.

Над горящей тайгой кружил вертолет: высматривал очаги пожаров. Наконец объявили посадку. Вера неторопливо шагнула в вагон. Ехать было долго, но это ее не тяго-

тило. Надо собраться с мыслями. Прежде чем завалиться на верхнюю полку, Вера хотела умыться, чтобы избавиться от запаха гари и сажи, осевшей на подбородок и щеки, поэтому терпеливо ждала, когда хмурая проводница откроет туалет. То ли из-за жары, то ли от безнадежности и предстоящей им утомительной долгой дороги все пассажиры, садящиеся в московский поезд, были такими же хмурыми и неразговорчивыми, как проводница. Поездка в столицу никого почему-то не радовала. Москву давно уже перестали воспринимать как праздник, скорее, как обязанность и даже иногда как наказание.

Вера же возвращалась домой. Но откровенничать ни с кем не стала, молча вошла в купе, молча переоделась, отрицательно и все также молча покачала головой, когда молодой симпатичный мужчина предложил поменяться полками. Он великодушно предлагал даме нижнюю, но Вера отказалась. Мужчина был чем-то похож на Никиту — уже повод для неприязни. И второй повод — он был мужчиной. А от них она не намерена была принимать никаких подарков. Кто знает, что у него на уме, у этого типа? В ответ на любезность придется общаться, а этого Вере не хочется. Она оставила симпатичного попутчика в купе стелить скрипучее серое белье и пошла в туалет.

Из мутного зеркала на Веру смотрела старуха с коротко остриженными волосами,

наполовину седыми, с усталыми глазами неопределенного цвета и скорбными морщинами в углах увядшего рта. Кожа серая, пористая, щеки впалые. За десять лет Вера не прибавила в весе и оставалась все такой же сухощавой, только теперь эта subtilность выглядела болезненной. Сорок пять лет. Всего-то. Иные, вон, детей в таком возрасте рожают! И выглядят как вишенки на торте, аппетитные, словно светящиеся изнутри, пропитанные сладким сиропом. От хорошей жизни чего ж не выглядеть? Когда всего вдоволь, а любимый мужчина отвечает взаимностью, не как некоторые козлы.

Вера невольно затосковала. Жалкая неудачница, вот она кто. Мало того, уголовница. Она покосилась на плохо вымытый унитаз и поморщилась. Проводница — лентяйка. Туалетной бумаги и мыла не дождешься, а кипятка для чая придется просить не единожды. Занавески на окнах грязные, на сером постельном белье зияют дыры и видны следы штопки. Воруют везде, где только можно. Здесь уж точно ничего не изменилось. Хоть десять лет пройдет, хоть сто.

Вера торопливо начала плескать в лицо вонючей водой из-под крана. И почему в поездах такой запах? «Купила бы освежитель для воздуха, что ли», — с неприязнью подумала Вера о проводнице, прогнозируя стычку.

Только не предаваться отчаянию! Держать себя в руках! Надеяться на лучшее!

Уф! Она перевела дух и снова посмотрела в зеркало. Лицо немного посвежело. Ручка на двери дернулась, но Вера не спешила выходить. Подождут. Торопиться некуда. Долгий путь еще только начался.

Где ты, Никита? Что с тобой? Как ты?

«Будем надеяться, что плохо», — подумала Вера, щелкнув замком. В коридоре стоял тот самый симпатичный блондин из ее купе, напомнивший Никиту. И вновь ее мысли вернулись к бывшему мужу.

Как он там?

Утром первого июля

он проснулся в отличном настроении. Впрочем, как и всегда. Вот уже много лет Никита Намин, открыв глаза, радовался новому дню. Жизнь удалась! Он сладко потянулся и счастливо улыбнулся, уловив запах свежее испеченных булочек с корицей. Их восхитительный аромат чувствовался и в спальне на втором этаже. Домработница уже пришла, а на участке (Никита был в этом уверен) суетится садовник, срезая увядшие цветки в розарии и готовясь косить газон, как только проснется хозяин. Шуметь запрещено, пока он не спустится к завтраку.

Никита улыбнулся еще шире. Да, кому-то везет по-крупному! Вот он, баловень судьбы, нежится на шелковых простынях, предвкушая восхитительный завтрак. Рядом сладко спала жена, Никита встал, стараясь не шуметь, чтобы ее не разбудить.

Таша будет спать, пока няня ее не разбудит. Четырехлетняя Даша порою просится к маме, «почмокаться».

Няня живет с ними в отличие от приходящей домработницы. У богатых людей должна быть прислуга. Таша вчера легла поздно, они были у друзей на вечеринке. У таких же богатых и успешных людей. Людей своего круга.

Никита улыбнулся, вспомнив дочку. Еще одна радость. Да, жизнь удалась!

Погода была прекрасная, соответственно настроению. Это лето в Москве выдалось ровным. Где-то полыхали пожары и стояла небывалая жара, а иных залило. Москву же нынче природные катаклизмы обходили стороной, июль обещали теплый, но не жаркий, август прогнозировали сухой и такой же теплый, поэтому решено было провести лето в загородном доме, а за границу поехать осенью. Дату назначать не стали, Никита Борисович Намин сам себе хозяин и отпуск возьмет, когда захочет. Впрочем, управлять компанией он может из любой точки земного шара, хвала Интернету, этому «Верховному Богу» двадцать первого века! Просто в Москве сейчас погода комфортнее, чем где бы то ни было. В трехэтажном особняке Наминых есть все необходимое, в том числе и закрытый плавательный бассейн.

Так живут богатые. К тридцати шести годам Никита Борисович Намин обзавелся всеми положенными атрибутами простого

человеческого счастья. У него есть крупная фирма, торгующая компьютерами и оргтехникой и приносящая неплохой доход, солидный банковский счет, просторный загородный дом и хорошая квартира в Москве, а также небольшая уютная вилла в Испании, это из недвижимого имущества. Что же касается движимого...

Никита снова счастливо улыбнулся, конечно же довольный собой. Дорогая машина, катер для прогулок по реке, статусные часы, новомодные гаджеты... Все это у него есть. Но это так, игрушки. Не вещи в жизни главное. Главное, что у него красавица жена! С Ташей ему откровенно повезло. Девочка из хорошей семьи, воспитанная, образованная, коренная москвичка, интеллигентка бог знает в каком уже поколении. Родители — профессора московских университетов, папа технического, мама гуманитарного. В семнадцать лет их умница и красавица дочь начала карьеру модели, но все пристойно. Никаких связей с криминалом, никаких взяток за призовые места на всевозможных конкурсах. Упаси боже переспать с кем-нибудь из членов жюри! Ташу нельзя купить, только завоевать!

Есть такие незаменимые люди: вечно вторые, но зато как стеклышко. Понятно, что главные призы достаются тем, кто умеет подсуетиться. Кто платит за это деньгами ли, своим телом, неважно. Да, все продается и покупается, но и продавцы, и покупатели умело делают вид, что все по-честному.

